

УДК 655.552:82

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-7

Ефименко Н. А.

Рецензия на монографию Чжу Цзяньгана «尼·斯特拉霍夫文学批评研究» – «Литературная критика Н. Н. Страхова» (Пекин, 2025)

Сычуаньский университет,
ул. Ванцзян, д. 29, г. Чэнду, 610064, пров. Сычуань, КНР;
efimenko200205@mail.ru

Аннотация. В рецензии анализируется монография китайского исследователя Чжу Цзяньгана «尼·斯特拉霍夫文学批评研究» («Литературная критика Н. Н. Страхова»), вышедшая в издательстве Пекинского университета в 2025 г. Отмечается, что автор выводит Страхова из тени его великих современников (Толстого и Достоевского) и рассматривает критика как самостоятельную фигуру, обладавшую собственной мыслью и стилем. Центральной в монографии признается формула «一破一立» («полемическое преодоление и созидательное утверждение»), – полемическое преодоление нигилизма и созидательное утверждение русской культурной самобытности, связующим понятием которых выступает «жизнь». Показано, как Чжу Цзяньган последовательно раскрывает позицию Страхова в отношении произведений Пушкина, Тургенева, Герцена, Достоевского и Толстого, выявляя как сильные стороны его критического метода, так и его границы (особенно в понимании Достоевского).

Ключевые слова: Н.Н. Страхов; литературная критика; русская литература XIX века; нигилизм; почвенничество

Для цитирования: Ефименко, Н. А. (2026), «Рецензия на монографию Чжу Цзяньгана "尼·斯特拉霍夫文学批评研究" – “Литературная критика Н. Н. Страхова” (Пекин, 2025)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 189-194. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-7

N. A. Efimenko

Review of the monograph by Zhu Jiangan "尼·斯特拉霍夫文学批评研究" – *Literary Criticism of N. N. Strakhov*

Sichuan University,
29 Wangjiang Rd., Chengdu, 610064, Sichuan Province, China;
efimenko200205@mail.ru

Abstract. The review analyzes the monograph by Chinese researcher Zhu Jiangan, "尼·斯特拉霍夫文学批评研究" („Literary Criticism by N. N. Strakhov"), published by Peking University Press in 2025. It notes that the author brings Strakhov out of the shadow of his great contemporaries (Tolstoy, Dostoevsky) and treats him as an independent figure with his own thought and style. The central formula identified in the

monograph is “一破一立” (polemical overcoming of nihilism and creative affirmation of Russian cultural identity), with “life” serving as the unifying concept. The review shows how Zhu Jiangang consistently reveals Strakhov's position regarding Pushkin, Turgenev, Herzen, Dostoevsky, and Tolstoy, highlighting both the strengths of his critical method and its limitations (especially in understanding Dostoevsky).

Keywords: N. N. Strakhov; literary criticism; 19th century Russian literature; nihilism; soil-based movement

For citation: Efimenko, N. A. (2026), “Review of the monograph by Zhu Jiangang “尼·斯特拉霍夫文学批评研究” – *Literary Criticism of N. N. Strakhov*”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 189-194, DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-7

Монография Чжу Цзяньгана «尼·斯特拉霍夫文学批评研究» («Литературная критика Н. Н. Страхова») посвящена фигуре, которая долгое время оставалась в тени более известных имен русской литературы XIX в. Монографическое издание вышло в Пекине в издательстве Пекинского университета в июне 2025 г. Монография поддержана программой издания 优秀学术专著 Сучжоуского университета, что маркирует ее научную историко-критическую значимость (Чжу, 2025: 2).

Исходная позиция Чжу Цзяньгана сформулирована уже во введении. Автор специально выводит Страхова из привычного положения «человека рядом с Толстым и Достоевским». Он пишет, что Страхов «не был лишь критиком, зависевшим от литературных мастеров и получившим известность благодаря другим», поскольку обладал «собственной уникальной мыслью» и «собственным стилем» (Чжу, 2025: 1). Данное положение задает весь аналитически-оценочный тон книги. Чжу последовательно демонстрирует, что Страхов был самостоятельным критиком, чьи суждения о Пушкине, Тургеневе, Герцене, Достоевском и Толстом участвовали в формировании последующего понимания русской классики потомками.

Один из центральных авторских «ключей» Чжу Цзяньгана выражен через формулу «一破一立» («полемическое преодоление и созидательное утверждение»). В разделе о замысле исследования он прямо пишет, что литературная критика Страхова держится на двух основаниях: «破» – «противостояние нигилизму» и «立» – «поиск особенностей русской культуры» (Чжу, 2025: 47). Эти две линии Чжу связывает с понятием жизни, через которое он читает критические статьи Страхова о русских классиках. Такая формула позволяет автору уйти от односторонней характеристики Страхова как консерватора. Антинигилизм Чжу раскрывает через критику абсолютного отрицания, сциентистской самоуверенности и разрыва с живой культурной основой, а поиск русской самобытности – как попытку найти положительное основание культуры.

Чжу Цзяньган не сводит исследование Страхова к истории отдельных литературных оценок. Он указывает, что критика Страхова «не является чистым текстовым анализом», поскольку в ней критик стремился исследовать «особый путь строительства русской культуры» (Чжу, 2025: 47). Здесь содержится одна из главных научных позиций автора. Литературная критика у Страхова, по Чжу, становится способом разговора о судьбе России,

о национальной форме культуры, о связи литературы с жизнью, народом и исторической памятью.

Тема нигилизма раскрывается у Чжу через конкретный историко-литературный узел. Автор показывает, что понятие нигилизма обрело ясную литературную форму в образе Базарова, который, по его оценке, воплощает два главных признака русского нигилизма – «абсолютное отрицание» и «чистый сциентизм» (Чжу, 2025: 51). Через этот тезис Чжу объясняет, почему спор Страхова с нигилизмом выходит за пределы политической публицистики. Для Страхова, в авторской реконструкции, опасность нигилизма состояла в замене живой нравственной и культурной реальности отвлеченной уверенностью в науке.

Важный нюанс состоит в том, что Чжу показывает источники страховского антинигилизма через источниковедческий срез. Он цитирует программную мысль страховской публицистики о необходимости создать «новый способ жизни», собственный, исходящий из народного духа и народной основы, после чего заключает, что именно соединение национальной особенности и народной основы стало главным содержанием почвенничества («почва» у почвенников означала народную основу русской культуры: народную жизнь, историческую память, веру, язык, быт, нравственные представления) (Чжу, 2025: 57). В этой связи Страхов оказывается у Чжу не одиночной фигурой, а участником широкого интеллектуального движения. Его борьба с нигилизмом объясняется через почвенническую установку на восстановление связи высокой культуры с народной жизнью.

Раздел о Пушкине демонстрирует, что Чжу Цзяньган умеет извлекать из страховской критики собственно литературоведческий смысл. Автор не ограничивается указанием на патриотическую позицию Страхова. Он показывает, что Страхов продолжил и углубил линию Аполлона Григорьева, выявил у Пушкина пародийность, предложил более глубокое понимание типа Белкина в «Повестях Белкина», раскрыл традицию «семейной хроники» и связал ее с национальностью и религиозностью русской литературы (Чжу, 2025:101). Отсюда следует важный вывод: Чжу видит в Страхове участника одной из значимых, но недооцененных линий осмысления Пушкина, а не только комментатора Толстого.

Именно пушкинский раздел дает одну из самых точных иллюстраций новизны монографии. Чжу утверждает, что Страхов включил Тургенева, Писемского, Толстого и их творчество в традицию, идущую от Пушкина, благодаря чему эта традиция перестала быть характеристикой одного писателя и стала явлением всей русской литературы XIX века (Чжу, 2025: 101). Это уже не общий комплимент Страхову, а конкретная научная позиция. Автор показывает, что Страхов мыслил русскую литературу как преемственную систему, где поздний Пушкин открывает путь к толстовскому изображению семьи, быта, народной жизни.

Глава о Тургеневе построена вокруг изменения страховской оценки писателя. Чжу пишет, что именно статья об «Отцах и детях» позволила Страхову выйти на литературную арену, хотя широкой известности он тогда еще не получил, поскольку его «особый взгляд» и «новый вывод» отличали его от критиков, занятых партийными спорами (Чжу, 2025: 102–103). Затем, по наблюдению Чжу, после выхода «Дыма» отношение Страхова к Тургеневу изменилось, а сама перемена была связана с расхождением почвенников и западников (Чжу, 2025: 103). Чжу показывает также, что позднее Страхов считал свою прежнюю оценку «Отцов и детей» определенной идеализацией Тургенева и нигилистического перелома. Здесь Чжу раскрывает динамику критического сознания Страхова: признание художественной силы Тургенева переходит в критику западнической культурной ориентации.

В главе о Герцене Чжу Цзяньган рассматривает Страхова как критика, способного видеть движение внутри чужой позиции. Центральным становится вопрос о Герцене как западнике, пережившем разочарование в Европе. Чжу показывает, что Достоевский в письме к Страхову

уловил ключ его статьи о Герцене: стремление представить Герцена как западника и через эту фигуру обсудить отношение Запада и России (Чжу, 2025: 135). При этом Достоевский, в реконструкции Чжу, смещал акцент к отрыву Герцена от народной почвы. Данное наблюдение принципиально. Страхов у Чжу не просто отвергает Герцена; он обнаруживает в судьбе Герцена подтверждение собственной мысли о кризисе западной рационалистической надежды.

Раздел о Достоевском написан у Чжу особенно напряженно, поскольку здесь автор раскрывает пределы страховского метода. Чжу фиксирует глубокое расхождение двух мировоззрений через формулы «дважды два – четыре» и «дважды два – сколько?», вплоть до достоевской формулы «дважды два равно пяти». По мнению Чжу, Страхов держится за человеческую рациональность, тогда как Достоевский защищает свободу человека (Чжу, 2025: 157). Далее Чжу формулирует различие еще резче: для Страхова грех и низость становятся приговором человеку, а для Достоевского признание греха и низости становится началом восстановления человеческого в человеке (Чжу, 2025: 157). Этот подход достаточно интересен, поскольку он показывает не только достоинства Страхова, но и границы его понимания Достоевского.

Чжу Цзяньган не скрывает, что Страхов временами судил Достоевского с позиции рационального реалистического вкуса. Анализируя его отношение к художественной системе Достоевского, автор пишет, что Страхов не понял глубокий смысл достоевского «реализма в высшем смысле» и смотрел на него с рациональной точки зрения, не понимая и тем более не желая принять ростки модернистского романа (Чжу, 2025: 161). Эта оценка делает монографию убедительнее. Чжу не превращает Страхова в безошибочного толкователя русской литературы. Он показывает, что ясность, цельность и рациональность страховского мышления помогли ему в оценке Толстого, но осложняли понимание Достоевского.

Толстовский раздел является смысловой вершиной монографии. Само название главы задает авторский ключ – «Жизненное сознание и народная основа» (Чжу, 2025: 167). При анализе критики «Войны и мира» Чжу показывает, что Страхов точно различил художественный и исторический взгляд на события. Автор делает вывод, что страховская интерпретация раскрыла различие точки зрения художника и историка и одновременно подчеркнула национальную основу творчества Толстого (Чжу, 2025: 189). Чжу усиливает этот тезис ссылкой на отклик Достоевского, увидевшего в страховском чтении Бородинской битвы в «Войне и мире» почти полное выражение национальной русской мысли. Здесь Чжу объясняет, почему Страхов оказался столь важен для ранней рецепции эпопеи Толстого. Он увидел в толстовском эпосе не иллюстрацию исторических событий, а художественное выражение русской жизни.

Чжу Цзяньган особенно точно формулирует итог страховского прочтения «Войны и мира». По его словам, для Страхова роман Толстого выражает борьбу русской мысли с западной мыслью, а само появление произведения означает в страховской образной логике, реконструированной Чжу, выздоровление русской литературы после долгого отклонения от верного пути (Чжу, 2025: 189). Далее Чжу указывает главный источник этого выздоровления – жизнь, прежде всего русская жизнь; прямое соединение с русской жизнью, по страховскому выводу в авторском пересказе, позволяет избежать западного влияния и нигилизма (Чжу, 2025: 189).

Глава о «деле Страхова» дает Чжу возможность перейти от истории литературных оценок к проблеме критического общения. В рассуждении о Достоевском, Толстом и Страхове автор показывает, что отношения между ними нельзя объяснить простыми биографическими схемами. Он пишет, что Страхов сохранял к Достоевскому чувство привязанности, но под этой внешней болью скрывались мировоззренческие и жизненные противоречия (Чжу, 2025: 222–

223). В этой части монографии Страхов раскрывается как участник сложной системы личных, идейных и литературных связей. Данный раздел позволяет увидеть, что Чжу рассматривает конфликт не в бытовой плоскости, а через идейные и коммуникативные расхождения.

Отдельная ценность монографии связана с приложением. Чжу помещает в книгу перевод четырехчастного цикла Страхова о «Войне и мире», что видно из структуры издания (Чжу, 2025: 270). Это имеет значение для китайской русистики, поскольку читатель получает не только исследовательскую интерпретацию, но и корпус текстов Страхова в переводе. В этом проявляется практическая научная новизна книги: Чжу Цзяньган расширяет доступ китайского читателя к страховскому циклу о «Войне и мире».

Итоговая оценка монографии выстраивается вокруг конкретной авторской концепции. Чжу Цзяньган показывает, что критика Страхова держится на двух основаниях – сопротивлении нигилизму и поиске русской культурной самобытности, а связующим смысловым понятием для этих оснований выступает жизнь. Он доказывает этот тезис не декларативно, а через последовательный разбор Пушкина, Герцена, Тургенева, Достоевского и Толстого. У Пушкина Страхов раскрывает традицию Белкина и семейной хроники; у Герцена – драму разочарования в Европе; у Тургенева видит симптомы западного кризиса; у Достоевского – тему свободы, которую сам Страхов понимал ограниченно; у Толстого – высшее выражение русской жизни и народной основы. Поэтому монография Чжу Цзяньгана ценна не общим «возвращением имени», а тем, что показывает внутреннюю работу страховской критики и ее место в истории русской литературной мысли.

Вместе с тем, можно отметить и границы авторской схемы. Чжу настолько последовательно выстраивает материал вокруг антинигилизма, русской самобытности и категории жизни, что отдельные художественные вопросы иногда оказываются подчинены этой главной линии. Однако сам автор учитывает проблему пределов страховской критики, поскольку заключение книги включает специальный раздел о ее ограниченности (Чжу, 2025: 247). Поэтому указанная особенность не разрушает научной ценности труда. Она показывает, что после книги Чжу остается пространство для дальнейших исследований – исследований стиля Страхова, журнальной среды, конкретной риторики его статей, его переводческой практики и полемических приемов.

Монография Чжу Цзяньгана заслуживает высокой оценки как крупная работа известного китайского исследователя, системно рассматривающая Н.Н. Страхова как литературного критика. Ее научная новизна состоит в реконструкции двухвекторной модели страховской критики, основанной на принципе «一破一立» («полемическое преодоление и созидательное утверждение»), в уточнении роли Страхова в рецепции Пушкина, Тургенева, Герцена, Достоевского и Толстого, в выявлении пределов его рационального метода и в переводческом представлении четырехчастного цикла о «Войне и мире» китайскому читателю. Монография позволяет говорить о Страхове не как о периферийном консерваторе, а как о критике, через которого русская литература XIX века осмысляла собственную связь с жизнью, народной основой, Западом, верой и культурной самостоятельностью.

Литература

Чжу, Цзяньган (2025), 尼·斯特拉霍夫文学批评研究 (Исследование литературной критики Н.Н. Страхова), Издательство Пекинского университета, Пекин, КНР. ISBN 978-7-301-36028-6

References

Chzhu, Tszyangang (2025), 尼·斯特拉霍夫文学批评研究 (A Study of N. N. Strakhov's Literary Criticism), Peking University Press, Beijing, China. ISBN 978-7-301-36028-6

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Ефименко Николай Александрович, докторант по специальности «Международное обучение китайскому языку», филологический институт, Сычуаньский университет, ул. Ванцзян, д. 29, г. Чэнду, 610064, пров. Сычуань, КНР; *efimenko200205@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Nikolai A. Efimenko, Doctoral Student, PhD program in International Chinese Language Education, Institute of Philology, Sichuan University, 29 Wangjiang Rd., Chengdu, 610064, Sichuan Province, China; *efimenko200205@mail.ru*